

Е. В. РАХИЛИНА, В. А. ПЛУНГЯН

ВРЕМЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ РУССКИХ ПРЕДЛОГОВ: ГРАНИЦЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ¹

1. Введение

Предложные конструкции, о которых пойдет речь в этой статье, с традиционной точки зрения могли бы быть классической иллюстрацией к той общеизвестной метафоре, которая в формулировке [Lakoff & Johnson 1980 / 2003] выглядит как TIME IS SPACE. Представления, лежащие в основе этой концепции, сводятся к следующим основным положениям.

- Пространственные значения предлогов исходны по отношению к временным.
- Метафоризуясь, они трансформируются во временные за счет того, что временные концепты приобретают топологические характеристики пространственных предметов.
- Этот переход не сопровождается никакими другими семантическими процессами: когда время становится пространством, предлог автоматически «пересчитывает» свое значение с пространственного на временное.

Сказанное хорошо иллюстрируют следующие пары русских предложных конструкций с примерными толкованиями и описанием ожидаемого метафорического сдвига.

- (1) *Через лес* (забор, реку) = 'преодолев пространственное препятствие'
Через час (урок, столетие) = 'ПОСЛЕ временного промежутка или события'

Метафора: 'временной промежуток или событие как пространственное препятствие'.

Екатерина Владимировна Рахилина, Высшая школа экономики / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); Владимир Александрович Плунгян, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

¹ В данной статье использованы результаты проекта, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г., а также Президиума РАН «Корпусная лингвистика».

(2) *Перед дверью* ⟨*зеркалом, лошадьё*⟩ = ‘близко от фасадной (повернутой к наблюдателю)² стороны предмета’

Перед обедом, началом, свадьбой = ‘ДО начала события’

Метафора: ‘начало (приближающегося) события как фасадная сторона предмета’.

Такого рода соотношение пространственных и временных контекстов можно было бы назвать «каноническим», или «прозрачным». Заметим, что в таком общем виде оно не противоречит ни одному из более современных теоретических подходов к определению метафоры — ни теории Blended Spaces [Fauconnier, Turner 2008], ни подходу У. Крофта [Croft 1993], который предпочитает опираться на понятие домена, ни подходу Д. Герартса [Peirsman, Geeraerts 2006], апеллирующему к более традиционной трактовке метафоры как сходства (в противоположность смежности), ни подходу Московской семантической школы [Падучева 2004; Кустова 2004], использующей для описания метафор понятие «тематического класса»: во всех перечисленных теориях именно такое представление о соотношении времени и пространства признано и «канонизировано».

Очевидно, однако, что оно реализуется далеко не всегда. С одной стороны, есть — и немало — пространственных предлогов, которые вовсе не развивают временных значений, как в русском *над, при, из-за, вдоль, поперек, напротив*, etc.³ С другой стороны, во многих парах пространственных и временных значений одного и того же предлога невозможно установить какой-нибудь параллелизм и даже просто обнаружить прямую метафору: предлог в них реализует принципиально разные значения, ср. ⟨*упал*⟩ *за диван* — ⟨*сделал*⟩ *за час* и др. под.

Ввиду этого возникает вопрос о том, в какой степени правомерен общий тезис TIME IS SPACE — иными словами, в какой степени время и пространство в предложных конструкциях оказываются семантически симметричны? И не может ли, несмотря на внешнее сходство, временная зона все-таки иметь свою, особую концептуализацию? (В более радикаль-

² Подробнее о признаке фасадности см. [Апресян 1974/1995: 101] со ссылкой на понятие ‘лица’ у Ч. Филлмора.

³ Было бы интересно выяснить, в какой степени этот запрет значим для языка в целом: типологическое исследование этой проблемы на достаточно представительном и разнородном языковом материале, насколько нам известно, не проводилось. Среди исследований пространственных предлогов «нижней» локализации в европейских языках встречаются как утверждения о сравнительно «прозрачном» соответствии между их пространственными и временными значениями (ср. [Boers 1996; Dendale, Van Grunderbeek 2000]), так и, напротив, утверждения о принципиальной неизоморфности пространственных и временных значений и «невыводимости» последних из первых [Franckel, Paillard 2007]. Ср. также наблюдения над несимметричностью пространственных и временных употреблений других русских предлогов в [Nesset 2004; 2011].

ном варианте этот вопрос можно задать так: не всегда ли это происходит в процессе использования пространственных предлогов во временных контекстах?)

Ответ на такой вопрос могло бы дать только корпусное исследование, пример которого мы и собираемся предложить в настоящей работе. Оно должно иметь две части, решающие разные подзадачи: описание «прозрачных» и «непрозрачных» с точки зрения исходной пространственной семантики временных контекстов. Соответственно, для каждого предлога и каждой локализации нужно было бы сделать следующее.

- Выбрать все такие типы парных употреблений, для которых утверждение TIME IS SPACE кажется правомерным, тщательно проверить соответствие пространственной и временной зон и причины, по которым они могут различаться.
- Рассмотреть случаи пространственных и временных употреблений за пределами «прозрачных зон» и понять, откуда, если не из пространственной метафоры, берется в них временной компонент.

Заметим, что важным залогом успеха этой работы служит качественное описание исходного пространственного «пула» предложных значений — только тогда можно понять, есть или нет среди них хорошие претенденты на соответствие временным.

По нашему мнению, во всех смыслах удобной экспериментальной площадкой для такого тестирования может служить русское *под*: во-первых, его прямые значения были не раз описаны, в том числе и на материале НКРЯ [Крейдлин 1997; Плунгян, Рахилина 2000; 2013], а во-вторых, *под* удобен в том отношении, что в круг его временных употреблений попадают и «прозрачные» и «непрозрачные» пространственно-временные соотношения.

В этой статье мы не будем разбирать их все (отсылая читателя к [Плунгян, Рахилина 2013]), а выберем в качестве иллюстрации общей идеи следующие типы временных употреблений этого предлога:

- *Под шум* — ярко выраженный «непрозрачный» контекст (раздел 3).
- *Под старость* — мы покажем, что соответствующее отношение также нельзя считать «прозрачной» метафорой (раздел 4).
- *Под утро* — типичный пример «прозрачного» соотношения между пространством и временем (раздел 5).

В разделе 2 мы дадим необходимые пояснения относительно семантики и структуры пространственных значений *под*.

2. О пространственных значениях ПОД

В прототипическом варианте (с непереходным глаголом) структуру пространственной конструкции с *под* можно представить в виде таблицы (1):

Таблица 1

X существительное	V глагол простр. локализации / позиции	ПОД	Y существительное, INSTR
<i>Документы</i>	<i>лежат</i>	<i>под</i>	<i>часами</i>

Из приведенной таблицы видно, что пространственная ситуация оформлена предикатом V с семантикой локализации (*быть, находиться, оказаться*) или позиции (*стоять, лежать, висеть*) [исходно подвижного] X, который служит фигурой — и неподвижным объектом-фоном Y и локативная роль которого в русском языке оформлена не свойственным ей в обычном случае творительным падежом⁴.

Данный конкретный (прототипический) вариант локализации можно описать таким образом: 'X находится ниже нижней поверхности Y', ср. *под часами, под кроватью, под снегом, под прессом...* (ср. то же отношение между объектом и локализацией при соответствующих каузативных глаголах типа *хранить, складывать, рассаживать* и т. п.: *мама хранила документы [X] под часами [Y]*).

Общее значение для всех разновидностей пространственных конструкций с ПОД, по нашему мнению, определяет идея доминанции фона над фигурой [Плунгян, Рахилина 2000]; доминанция может быть либо контактной — если есть контакт объекта-фигуры с нижней поверхностью объекта-фона (*под прессом, под стопкой газет...*), либо бесконтактной — если нижняя поверхность приподнята (*под столом, под крылом самолета...*).

Помимо стативного, для ПОД важен динамический, направительный вариант локализации — когда X-фигура не просто подвижна, но активна и движется, а пространство под нижней поверхностью Y (в Асс) является конечной точкой ее перемещения: *имель заполз под матрас, документы положили под часы*.

Активным, подвижным и динамичным может быть и Y — если он не просто находится над X, но, будучи функциональным объектом, еще и воздействует на него; это прежде всего инструменты, транспортные средства и их части, ср. *попал под колеса, под пером, топором, под руками* и др.

⁴ Современные употребления русского беспредложного творительного, в общем, довольно далеки от пространственной семантики (см. [Mrázek 1964; Wierzbicka 1980; Janda 1993]), за исключением довольно узкого класса употреблений со значением траектории движения (подробнее см. [Рахилина 2000: 79]): *идти лесом, кровь хлынула горлом*. Ясно, что такие контексты являются «осколками» более старой и цельной системы, в которой творительный имел локативное значение [Бернштейн 1958], по-видимому, близкое к неточной локализации — именно такие значения дают полисемии с переходом в инструментальные. Другим свидетельством существования такой уже разрушенной системы служат в современном русском сочетания творительного с узким классом пространственных предлогов, а именно: *за, перед, под, над*.

Как видим, не только идея доминанции, но и пространственное расположение X и Y относительно друг друга здесь полностью сохраняется, однако оно может и нарушаться, в первую очередь «по вине» Y-а, прежде всего ввиду его нестандартных пространственных (топологических) характеристик (а) или абстрактной, непредметной природы (б). Именно эти случаи будут важны для нас дальше, в связи с временными употреблениями ПОД — поэтому здесь мы кратко их опишем.

(а) *Нестандартная топология*

Как мы помним, в стандартном случае Y описывает «фоновый» предмет, который концептуализуется как имеющий нижнюю поверхность: как правило, это объекты типа «пластин» или «слоев», они горизонтальны. Конечно, нижняя поверхность есть и у вертикальных предметов (например, у «стен» или «колонн»), но у них она служит опорой и нефункциональна. Поэтому, «принимая» такие, с топологической точки зрения, нестандартные в данном случае вертикальные объекты в качестве Y, конструкция с ПОД как бы р е д у ц и р у е т их нижнюю поверхность, заменяя ее (метонимически) пространством вблизи нее — ближайшей, причем нижней, окрестностью объекта: *под стенами города, под горой, под колоннами Большого театра, под дверью* = ‘внизу рядом’; ср. также *жил под Москвой, бои под Минском, замок под Парижем* (метонимия ‘стены городских укреплений’ → ‘город’).

Интересно, что из всех разновидностей пространственных значений ПОД именно эта, по сути дела топологически «ущербная», с большим перевесом по отношению к остальным, отражается в метафорике этого предлога. Правда, как мы увидим из разделов 4-5, не всегда непосредственно.

(б) *Абстрактные Y*

В качестве Y могут выступать имена ситуаций, такие как *контроль, арест, защита* и мн. др. Понятно, что ситуации лишены формы и каких-либо топологических характеристик. С предметными такие употребления объединяет общая идея доминанции Y-а над X-м. Она реализуется в метафорах, которые мы условно назвали «охрана» и «агрессия» — соответственно, со статическим и функциональным Y-м как источником:

под крылом / под крыло → *под защитой/защиту* («охрана»);
под топором / под топор → *под арест/арестом, под воздействием/воздействием* («агрессия»).

Важно, что набор предикатов, которые встречаются при абстрактных именах, очень ограничен, — входящие в него предикаты описывают (абстрактную) локализацию субъекта (ср. *быть (находиться, оказаться) под следствием (обстрелом)* и под.) или ту же локализацию как конечный пункт: *идти под, попасть под, вернуться под арест, обстрел* и т. п.). Аналогично в каузативных контекстах, где локализуется объект воздействия,

ср. *оставить* ⟨*держат*⟩ *под судом* ⟨*следствием*⟩ и *подвести под следствие*, *послать под обстрел*, *отдать под суд*, *поместить под наблюдение*. Существенно, что во все такие предикаты встроена обязательная локативная переменная — она и обеспечивает таким контекстам устойчивую связь с абстрактным пространством и, в конечном счете, локативную семантику. А это значит, что теоретически абстрактные контексты можно было бы рассматривать как возможный источник для временной метафоры. Тем не менее, на практике, как мы увидим в следующем разделе, такая возможность не реализуется.

3. Временные контексты ПОД: ‘одновременность’ (*спал под шум дождя*)

Внешне, по своей поверхностной структуре, контексты типа *спал под шум дождя* очень похожи на только что рассмотренные типа *находился под арестом*: в обоих случаях *У* — абстрактное имя, связанное с глаголом через посредство ПОД. Между тем значение у них разное: временное (‘одновременность’) полностью замещает абстрактные локализации (*находиться под «охраной»/«агрессией»*), характерные для обычных номинализаций. Разное в них и заполнение переменных: глагол во временной конструкции, скорее, непереходный и, что особенно важно, не имеющий обязательной валентности на имя, так что списки соответствующих предикатов практически не пересекаются, а имя обычно обозначает слуховые проявления некоторой ситуации — другими словами, звук. Сказанное по сути дела означает, что мы имеем дело с совершенно разными конструкциями.

Тем не менее между ними есть семантическая связь — она возникает за счет семантики звука. Дело в том, что такая фоновая ситуация, как звук, воздействует не на одного конкретного участника, а на окружающую среду в целом: шум — это событие, как бы покрывающее (как большая поверхность) ситуацию целиком. Отсюда значение одновременности, а также — через идею доминанции — единство с множеством других конструкций с ПОД.

Получается, что и связь с пространственным значением ПОД, и новое, временное значение конструкции обусловлены не семантикой предлога, а семантикой *У*-а — дополнительным аргументом в пользу такой точки зрения служит и то, что значение одновременности и фоновости по отношению к основной ситуации возникает у таких имен и в контексте других предлогов, в том числе и пространственных, ср. *в шуме*, *из-за/от шума*, *при шуме* и т. д.

Семантическая специфика звукового фона, шума определяет и дальнейшее развитие этой особой, как мы видим, конструкции: звук, сопутствующий ситуации, может восприниматься и как «заглушающий» основное действие, т. е. как бы скрывающий его — ср. *казнь под звук моторов, чтобы заглушить выстрелы* (1924), и как организующий его, диктующий ему

свой ритм — ср. *танцы под музыку*. Эти две возможности — назовем их условно **пассивным** и **активным фоном**, «скрытые» в звуковой конструкции с ПОД и не противопоставленные внутри нее, становятся стимулами для дальнейшего развития семантики этой конструкции — уже за пределами собственно звука, а значит и временного значения ‘одновременности’. (Заметим, что такое независимое от абстрактной локализации семантическое развитие, конечно, тоже свидетельствует об обособленности временной конструкции.)

Идея **пассивного**, все заглушающего фона, хорошо просматривается в метафорическом *под сурдинку*⁵ или *под шумок* в значении ‘тихонько, незаметно, пока никто не обращает внимания, поскольку все заняты каким-то общим делом (как шумом, «перекрывающим» другие события)’, ср. *схватил шапку и под шумок ускользнул из квартиры* (Ф. М. Достоевский. 1846).

Между тем есть любопытный частный — и семантически очень узкий — класс расширений этих контекстов, он касается только еды и питья, которые следуют одновременно — как выпивка и закуска (так что, например, *молоко* или *хлеб* для них неестественны), ср. первый по НКРЯ пример такого рода: *Купишь осетра <...> икры <...> подсолишь да с лучком... Да ежели под коньячок ...* (В. Я. Шишков. 1913—1932). В таких контекстах выпивка и закуска могут меняться местами, однако сохраняется идея, что одно из них (и это, конечно, доминирующий Y) — фоновое, как бы «покрывающее» другое. В том же контексте застолья стоят и примеры типа *под сигареты и кофе* или *под разговоры, болтовня под вино* — в них часто используется и эвфемистический оборот *под это дело*. По той же модели — и часто с использованием того же оборота — строятся сочетания более широкой семантики ‘заодно с некоторым крупным мероприятием’; они возникают примерно в 80-е годы XX века, ср. из современного газетного корпуса НКРЯ: *под Олимпиаду строят горнолыжные комплексы*.

Активный звуковой фон, как мы уже говорили, до некоторой степени сам организует ту ситуацию, параллельно которой он существует. Если в исходных чисто-звуковых контекстах он может задавать ее общий ритм (как в *под музыку*), в производных влияние должно становиться глубже, но во всех наших примерах хорошо видна их преемственность от звуковых: идея звукового или зрительного образа Y, доминирующего над «основной» ситуацией X. Ср. прежде всего *писать под диктовку* и, как нам кажется, в том же ряду — (метонимически) *говорить под стенограмму / диктофон*, а также *двигаться под телекамеры* и др. Ср.: <...> *герои материала даже не боялись говорить под диктофон* (2002); *Беседовали под стенограмму о предстоящем полете* (1943—1946); <...> *президент бежит к батумскому пляжу, чтобы под телекамеры умыться черноморской водой* (2005) и др.

⁵ *Сурдинкой*, ср. фр. *sourdine*, ит. *sordina* (от лат. *surdus* ‘глухой’) называли приспособление в виде гребешка, надеваемое на струны, которое применялось при игре на музыкальных инструментах, когда требовалось п р и г л у ш и т ь их звучность.

4. Временные контексты ПОД: 'возраст' (*ему под 50*)

Анализ этой конструкции удобно начинать, рассматривая ее в контексте более широкого семантического сдвига, а именно возникновения параметрической конструкции. Действительно, в контексте любого параметрического имени можно с помощью ПОД задать приблизительную оценку размера (*под 2 метра ростом, прошел пешком под сотню километров*), скорости (*под 200 км/час*), веса (*под 100 пудов*), напряжения (*под 20 ампер*), объема файлов (*под 20 Мб*), мощности (*под 20 ватт пиковой мощности*) и т. д. — и в том числе такого временного параметра, как возраст (*ей под 30*). В этом смысле никакого особого перехода из зоны пространства в зону времени «возрастные» контексты не представляют: в целом у всех параметров в этой конструкции общие свойства.

Семантически параметрические контексты такого рода восходят к варианту пространственной конструкции с ПОД с нестандартной топологией (вертикальными объектами) и значением близкой окрестности по отношению к препятствию или рубежу. Важно, что в данном случае развитие получает динамическая, а не статичная разновидность локативной конструкции — т. е. та, которая использует не творительный, а винительный падеж и подразумевает приближение к ориентиру, ср. *под стены города*. Наследуя ее семантику, параметрические употребления приобретают следующие свойства.

1. «**Пограничность**», «рубежность» самого параметрического значения, которая восходит к пространственному «рубежу» или «границе». Поэтому в качестве *Y*-а годятся только маркированные, круглые значения: скорость может быть *под 200 км*, но не *под 221*, возраст *под 50*, но не *под 53*⁶.

2. Семантика **приближения** к значению *Y* как к максимуму: значение параметров описывается не как приблизительное, находящееся в близкой окрестности *Y*-а, а как чуть-чуть не достигшее максимального.

3. Малые, хотя и круглые значения в таких контекстах невозможны: не говорят ни **скорость машины под 10 км*, ни **рост под 100 см*, ни **(возраст) под 10 лет* и др. По той же причине в соответствующих ситуациях недопустимо употребление лексемы *еще*, семантика которой входит в противоречие с идеей максимума. Это замечание сделано в [Труб 1997] по поводу «человеческого» возраста (**ему еще под 30 / 40...*), для которого носитель параметра уже определен, в отличие от, скажем, скорости или температуры, а максимум не будет относительным, ср. разные максимумы для скорости пешехода и поезда, температуры человеческого тела и доменной печи.

⁶ В этом отношении параметрическая конструкция с *под* похожа на некоторые другие, ср., например: *свыше 50*, но *?свыше 53* — но, безусловно, нельзя сказать, что это ограничение свойственно абсолютно всем параметрическим или числовым контекстам, ср. приемлемость *ей меньше 53*, *скорость выше 62 км* и др.

4. Как правило, параметры, перевалившие за максимум, могут описываться — тоже как приблизительные, но, так сказать, с другой точки зрения — аккузативной конструкцией с предлогом *за*, ср. *скорость за 200*, о возрасте — *за 90* и т. д. Метафорическим источником здесь служит пространственная ситуация преодоления границы и локализации в ближней окрестности Y-а с наблюдателем «по ту сторону», ср. *под стеной* vs. *за стеной*.

Как видим, в контексте ПОД параметры демонстрируют единство — оно обеспечено преемственностью по отношению к исходной, пространственной конструкции.

Замечательно, однако, что из всех параметров именно возрастной имеет свои особенности, так что его языковое поведение в контексте ПОД существенно отличается от остальных.

Во-первых, обратим внимание на то, что при *под* как маркеру количественной неопределенности обычно указан сам параметр — что именно (в нашем случае — приблизительно) измеряется, т. е. в предложении присутствуют слова типа *скорость, мощность, объем, срок* и под. Однако возраст, в отличие от других параметров, как раз наоборот, практически никогда поверхностно не выражен, ср.: *ростом под метр восемьдесят, со скоростью под 1000 км* — но **возрастом / с возрастом под 70 лет*.

Во-вторых, в нашей конструкции естественно опустить и единицы измерения возраста: мы легко говорим *ему под 30, 40, 90* — при том, что при других параметрах единицы измерения практически всегда присутствуют (ср. **ростом под два, *мощностью под триста* и др.)⁷.

Наконец, в-третьих: сочетания с ПОД со значением возраста, реализующие идею близкой окрестности, легко встраиваются в предикативную конструкцию с субъектом в дательном падеже: *ему под 80* (как *ему тяжело* ⟨холодно, больно⟩ и под.), отличную по своей структуре от обычной параметрической и воспроизводящую ту конструкцию, которая в русском языке описывает возраст вообще, ср. *Севе пять лет*. (Заметим, что так же ведут себя и симметричные им конструкции с ЗА: *ему за 80*.)

Все это — разные лингвистические свидетельства высокой антропоцентричности возраста как параметра. Возрастные значения затрагивают субъект так же, как физические и физиологические состояния (а также

⁷ Заметим, что первое из этих свойств проявляется здесь ввиду специфики имени *возраст*: само оно не употребляется и в других конструкциях, описывающих возраст человека, ср. *дама (*возрастом) шестидесяти лет*.

Параметр *лет* тоже в принципе может опускаться в таких контекстах, ср. *Ей уже 20 лет / Ей уже 20*; ср., однако, **дама шестидесяти*. Между тем корпусная статистика употреблений возрастных значений с выраженным и невыраженным параметром при ПОД достаточно показательна и составляет примерно 10:1, причем примеры с выраженным параметром относятся к XIX — началу XX вв. (ср.: *Да помилуйте, ведь мне под 60 лет!* А. А. Потехин. Брак по страсти (1860—1870)) и по большей части для современного русского языка малопримемлемы.

эмоции, ср. *ему противно* (*все равно*)...), и поэтому легко приравниваются к предикативам и маркируют вовлеченность субъекта нестандартным для других параметров дательным. А поскольку в этой конструкции возраст — единственное состояние, измеряемое численно, то и выражение параметра, и выражение единиц его измерения оказывается избыточным.

Нетривиальным является не только оформление параметра как возраста, но и сам выбор значений этого параметра.

Понятно, что объем значений для параметра *человеческого* возраста — в отличие от любого другого произвольного — очень ограничен, просто ввиду ограниченности человеческой жизни: это круглые числа первой сотни. Минимальным в этом ряду является, по нашим наблюдениям, 20 лет, но для того, чтобы этот возраст выглядел убедительно, т. е. воспринимался как возраст взрослого, пожившего уже человека, нужен специальный контекст, который формирует своего рода локальный (т. е. пригодный только для данной ситуации) возрастной максимум, ср. возраст, максимальный для замужества/женитьбы, учения, телесных наказаний etc., ср.:

- (3) *Из всей семьи Родион Потапыч любил только младшую дочь Федосью, которой уже было **под двадцать**, что по-балчуговски считалось уже девичьей старостью: как стукнет двадцать годков, так и перестарок* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Золото (1892)).
- (4) *Ему **под двадцать лет**, да еще вдобавок он и офицер; как же могут мои люди его сечь?* (Д. Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877—1880)).
- (5) *В **четырнадцать лет** вообще привел домой женщину **лет под двадцать**, провел в свою комнату* (Л. Петрушевская. Шато (1997))⁸.

Конечно, примеров на 20 как возрастной максимум немного, и они не являются оценкой максимума по абсолютной возрастной шкале. Но и с остальными значениями картина не так проста, как может показаться на первый взгляд: дело в том, что они распределены не только не равномерно, но и не монотонно, т. е. не стремятся к абсолютному или среднему максимуму.

Мы провели примерное обследование корпуса — в упрощенном и достаточно суженном варианте поиска: *лет под Y* [прописью или числительным], без учета расстояний и инвертированного порядка слов. Соотношение (которое, тем не менее, в целом отражает более общее распределение) оказалось следующим:

Таблица 2

возраст	30	40	50	60	70	80	90	100
Число примеров по НКРЯ	48	88	51	30	13	4	5	4

⁸ Любопытно, что встретился один пример на «круглый» возраст с некруглым числом лет, и это 25: *Молодой парень, лет что-нибудь **под двадцать пять**. (...)* *Молодость* — это первое, чем веяло от Тегнеряднова (Д. А. Фурманов. Мятёж (1925)).

Как видим, максимальное число употреблений приходится вовсе не на пиковые значения возраста или ближайшие к ним (100, 90, 80...), а на средние (в нашем случае — 40), и это свидетельствует о том, что не только для 20 лет, но и для остальных возрастных значений в узусе идея максимума связана с конкретной прагматической ситуацией, относительно которой он и выбирается. В основном эти ситуации известны и фиксированы в нашей культуре и касаются прежде всего замужества/женитьбы, рождения детей, работы, проблем со здоровьем и т. д. Поэтому возрастной «максимум» и начинается так рано: пороговым значением для всех этих прагматических «рубежей» как раз и оказывается в жизни человека возраст вокруг 40 лет.

Вывод, который следует из нашего анализа возрастных контекстов с ПОД и их разнообразных и очень специфичных свойств, следующий. Возрастные значения — иные, нежели просто параметрические, их нужно рассматривать отдельно и трактовать как отдельную конструкцию: в отличие от обычных параметров, временное значение требует не простой и прозрачной метафоры, а семантико-синтаксической контаминации с антропоцентричной дативной конструкцией.

5. Временные контексты ПОД: обстоятельства времени (*заснул под утро*)

Временная окрестность реализуется в русском языке и за пределами значений возраста, как обычное обстоятельство времени — понятно, что из всех рассматриваемых контекстов с ПОД такая конструкция имеет самую прозрачную соотнесенность с временной зоной. Прямая связь с временной областью возникает благодаря семантике имени *У*, которое обозначает уже не численное значение, а просто некоторый период времени (*под утро, под вечер, под старость* и метонимически *под конец, под занавес, под закат перестройки*) или некоторую выделенную точку на временной оси (*под День Победы*, а также *под неделю* (т. е. воскресенье) *17-ю по Пятидесятнице, под неделю* (т. е. воскресенье) *4-ю по Пасхе*).

Одновременно здесь есть и прямая, даже прозрачная на первый взгляд связь с пространственным источником, которым, как и в только что рассмотренном случае с параметрами, служат употребления ПОД с вертикальными объектами со значением приближения к рубежу или преграде: *под стены* → *под утро*.

Правда, в буквальном смысле приближения во временном контексте как будто нет: если соответствующие пространственные употребления жестко противопоставляют статичное позиционное [*под стенами* — Instr] и направительное значения [*под стены* — Acc], то временное в каком-то смысле их совмещает. Действительно, временные обстоятельства типа *под утро* локализуют событие на определенном отрезке времени, но испол-

зуют для этого «не ту» конструкцию, кодируя Y-фон не творительным, а винительным. Это первое существенное отличие временных обстоятельств от пространственных, нарушающее «прозрачность» пространственно-временного отношения (тот же эффект асимметрии падежного маркирования для пространственных и временных конструкций, но на материале локативных предлогов *в* и *на* исследован в [Nesset 2004; 2011], а также [Makarova, Nesset 2013])⁹.

Второе отличие связано с семантикой самого Y-а.

На выбор временных периодов и точек, способных заполнять позицию Y, есть строгие ограничения, достаточно жестко лексикализованные, ср. недопустимость **под столетие* или **под месяц* (ни одного примера в НКРЯ) и крайнюю сомнительность ^{??}*под день*, — но они не случайны, а обусловлены свойствами конструкции и следуют в общем тем же принципам, которые мы только что изложили применительно к параметрическим контекстам.

Действительно, поскольку и здесь фрагмент с *под* имеет значение ‘в период, приближающийся к Y-у, но не переходящий в него’, то Y служит своеобразным рубежом. Именно поэтому Y «выбирает» здесь не любые, а только «рубежные» точки и отрезки, прежде всего *утро* или *вечер*. *Утро* воспринимается как граница ночи и дня, ср. *под утро столбик термометра сполз до отметки минус 32 градуса*, а *вечер* — как граница дня и ночи, ср. *На станцию Кострово поезд пришел под вечер*. Таким образом, сами *день* или *ночь*, поскольку границами они не являются, в конструкции с ПОД не используются: ^{??}*под день* / *под ночь*. Но если «превратить» их из периода времени в значимые, «рубежные» точки на временной оси, такие контексты станут совершенно приемлемыми, ср.: *под День строителя, под годовщину свадьбы; в ночь под Рождество / Ивана Купалу* и др. Точно так же устроено противопоставление дней недели: **под среду* / **четверг...* / **под будни* vs. *под воскресенье* / *под выходные* (см. [Крейдлин 1997: 149]; о лингвистической асимметрии праздников и буден см. еще [Haspelmath 1997: 115]).

З а м е ч а н и е

Отсюда — развитие особого временного значения у наречия *подчас*, которое в старом варианте имело раздельное написание *под час*, ср. контексты XVIII—XIX века с определениями: *под час досуга* (Капнист), *под час веселый* (Гнедич), *под час иной* (Полежаев). Поскольку, по условиям нашей конструкции, как мы видим, это не мог быть любой час, а только особый, то отсутствие определения в *под час* или

⁹ В статье [Зализняк, Шмелев 1997: 235] отмечается, что *под утро* «может локализовать события и процессы (*Гости разошлись/расходились под утро*), но не состояния (поскольку, как уже было сказано, *под утро* фиксирует внимание на предшествующем процессе): нельзя сказать **Под утро он был мрачен* (надо — *стал* или *сделался*)». Это наблюдение свидетельствует о «следах», которые оставили при метафорическом сдвиге во временную зону предикаты движения, определяющие динамическую, «направительную» составляющую данной конструкции и ее аккумулятивное маркирование.

подчас, т. е. «умолчание», означает ‘некоторый выделенный час’ — или, в его более архаичном значении, ‘выделенный момент времени’, ср. *час разлуки* как ‘момент разлуки’. Это значение и стало источником для результирующей семантики временной дистрибутивности (= ‘иногда’), свойственной этому наречию в современном языке.

Тем не менее статус, который получает временной рубеж в контексте обстоятельственной конструкции времени, иной, чем в исходной пространственной конструкции, а также других ее производных — параметрической и возрастной. Дело в том, что в нашем случае рубеж представляется (по крайней мере в современном русском языке) как непреодолимый, ср. *под стенами — за стенами, под колонны — за колонны, под 100 км — за 100 км, под 50 — за 50*, но: *под Рождество — *за Рождество, под вечер — *за вечер* (ср., однако, устаревшие или диалектные наречия *заутро, за полночь*, с одной стороны, и собственно временную конструкцию с предлогом *после* в *после Рождества*, но не **после вечера / *утра*, с другой). Иначе говоря, в этой разновидности временных конструкций в качестве Y-а выступает объект другой семантики — речь идет уже не о рубежах, а о границах.

Таким образом, данная конструкция может служить своеобразным маркером на релевантные, исторически закрепленные в русской лексике временные «границы», которых оказывается не так много: ведь они должны интерпретироваться как конечные области временного пространства. Ср. здесь [Крейдлин 1997: 149], а также [Крейдлин 1996] и в особенности [Зализняк, Шмелев 1997: 234—236]¹⁰. Поэтому в этом контексте так частотна *старость* — как временное пространство, близкое к границе жизни (355 вхождений в НКРЯ, ср. *под старость мне срамиться уж поздно*), а также *конец*, и в том же значении *занавес, закат* — т. е. конечные, но никогда не стартовые точки процессов: **под молодость, юность, *под начало, старт*. Отсюда следует, что суточный временной цикл с языковой точки зрения в данном случае «выглядит» так, что обе промежуточные границы (*утро* и *вечер*) могут представляться как за вершающие соответствующие периоды (соответственно, *ночь* и *день*).

Таким образом, мы видим, что метафорический перенос ‘пространство’ — ‘время’ в данном случае не полностью прозрачен: временное значение реинтерпретирует значение переменной Y, превращая ее из «рубежа» в «непреодолимую границу».

Любопытно, что это не единственный пример реинтерпретации при переходе от пространства к времени. По нашим наблюдениям, такая же реинтерпретация — но по другой модели — происходит и в конструкциях с

¹⁰ Ср. также замечание в словарной статье НОСС (РАНШЕ1 [Левонтина 2004: 942]) об актуальности конечного результата как свойства конструкции ПОД, отличающей ее от других квазисинонимов.

предлогом ЧЕРЕЗ, исходное пространственное значение которого описывает, кстати, тоже ‘преодоление препятствия’.

Как и обстоятельственное ПОД, *через* тоже создает иллюзию полной симметрии в пространственном и временном зонах, ср. *он живет через два дома от нас* (‘одиночный отрезок’) — *газеты вышли через два дня после переворота* (‘однократная ситуация’). Именно так это представлено в [Рахилина 2000]. Любопытно, однако, что во временных контекстах такого рода естественная метонимия типа ‘время’ ↔ ‘событие, происходящее в это время’ реализуется не с любыми, а только с непосредственно следующими друг за другом ситуациями, образующими серию: можно сказать *через два урока*, но плохо ^{??}*через две встречи*. Значит, если пространственное *через* действительно может описывать одиночный отрезок пространства, имея в виду статичную единичную ситуацию, то производное от него временное предполагает итеративность, ориентируясь на модель движущегося потока сходных событий, — а следовательно, о полной симметрии в концептуализации пространства и времени говорить здесь не приходится, как и в случае с ПОД.

6. Заключение

Мы рассмотрели три класса временных употреблений ПОД в их отношении к исходному пространственному значению. Оказалось, что два случая из трех нужно рассматривать как отдельную конструкцию со своими особыми свойствами. В каждой из них временной компонент возникает не за счет ПОД, а за счет компонентов, не свойственных локативным контекстам. В первом случае это ‘одновременность’, которая порождается семантикой звука, сопровождающего ситуацию, а во втором это ‘возраст’, по многим лингвистическим свойствам резко противопоставленный близким ему параметрическим контекстам. Третий из рассмотренных случаев самый сложный — здесь действительно время и пространство так близки, что создается иллюзия полного изоморфизма между ними. Однако при ближайшем рассмотрении и здесь обнаруживаются причудливые несовпадения, связанные с дополнительными ограничениями на заполнение переменной во временном контексте по сравнению с такими же ограничениями — в пространственном.

Получается, что в зоне ПОД не только нет привычной связи между пространственной и временной зонами, но наоборот, на всех языковых уровнях наблюдается их отчетливое противопоставление.

Действительно, эти зоны противопоставлены грамматически: только пространственные, но не временные значения выбирают творительный — во всех рассмотренных нами (и оставшихся за пределами этой статьи, см. [Плунгян, Рахилина 2013]) временных употреблениях используется только аккумулятив.

У временных конструкций может быть другая структура (ср. предикативные контексты типа *ей под 80*), другие лексические и таксономические классы — в частности, числительные или имена периодов времени в позиции Y-а. Наконец, глаголы, которые в них участвуют, могут быть противопоставлены синтаксически: в одном случае Y оказывается обязательным аргументом, а в другом — очевидно факультативным.

Получается, что вместо того, чтобы сблизить, смешать, совместить пространство и время как понятийные области, в рассмотренных здесь конструкциях все возможные языковые средства направлены на то, чтобы, наоборот, как можно дальше развести их, еще и еще раз обратив внимание слушающего на то, что это — разное. TIME IS SPACE? TIME IS TIME!

Л и т е р а т у р а

Апресян 1974 / 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. (2-е изд.) // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. М., 1995.

Бернштейн 1958 — С. Б. Б е р н ш т е й н (ред.). Творительный падеж в славянских языках. М., 1958.

Зализняк, Шмелев 1997 — Анна А. З а л и з н я к, А. Д. Ш м е л е в. Время суток и виды деятельности // Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.). Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 229—241.

Крейдлин 1996 — Г. Е. К р е й д л и н. Стереотипы возраста // Wiener slawistischer Almanach. Bd. 37. Wien, 1996. С. 207—218.

Крейдлин 1997 — Г. Е. К р е й д л и н. Время сквозь призму временных предлогов // Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.). Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 139—152.

Кустова 2004 — Г. И. К у с т о в а. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Левонтина 2004 — И. Б. Л е в о н т и н а. Раньше! (словарная статья) // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. (2-е изд.) / Под рук. Ю. Д. Апресяна. М., 2004.

Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

Плунгян, Рахилина 2000 — В. А. П л у н г я н, Е. В. Р а х и л и н а. По поводу локалистской концепции значения: предлог ПОД // Д. Пайар, О. Н. Селиверстова (ред.). Исследования по семантике предлогов. М., 2000. С. 115—133.

Плунгян, Рахилина 2013 — В. А. П л у н г я н, Е. В. Р а х и л и н а. Семантико-синтаксические свойства русских конструкций с предлогом ПОД: прямые (пространственные) и переносные (временные) употребления // Die Welt der Slaven. 2013 (в печати).

Рахилина 2000 — Е. В. Р а х и л и н а. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. (2-е изд.). М., 2010.

Рахилина 2010 — Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М., 2010.

Труб 1997 — В. М. Т р у б. О семантической интерпретации высказываний с частицами *ещё, пока, уже* // Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко (ред.). Логический анализ языка: язык и время. М., 1997. С. 218—228.

- Boers 1996 — F. Boers. Spatial prepositions and metaphor. A cognitive semantic journey along the UP-DOWN and FRONT-BACK dimensions. Tübingen, 1996.
- Croft 1993 — W. Croft. The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymy // *Cognitive Linguistics*. 4. 1993. P. 335—370.
- Dendale, Van Grunderbeek 2000 — P. Dendale, L. Van Grunderbeek. La préposition *sous*: traits linguistiques et fonctions communicatives // M. Coene et al. (éds.). Traiani Augusti vestigia pressa sequamur. *Studia linguistica in honorem Lilianae Tasmowski*. Padova, 2000. P. 683—703.
- Fauconnier, Turner 2008 — G. Fauconnier, M. Turner. Rethinking Metaphor // R. Gibbs (ed.). *Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Cambridge University Press, 2008.
- Franckel, Paillard 2007 — J.-J. Franckel, D. Paillard. *Grammaire des prépositions: Tome 1*. Paris, 2007.
- Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From space to time: Temporal adverbials in the world's languages. München, 1997.
- Janda 1993 — L. Janda. A geography of case semantics: the Czech Dative and the Russian Instrumental. Berlin; New York, 1993.
- Lakoff & Johnson 1980 / 2003 — G. Lakoff, M. Johnson. *Metaphors we live by*. 2nd ed. Chicago, 1980. 2003.
- Makarova, Nessel 2013 — A. Makarova, T. Nessel. Space-time asymmetries: Russian *v* 'in(to)' and the North Slavic temporal adverbial continuum // *Russian Linguistics* (in press).
- Mrázek 1964 — R. Mrázek. Синтаксис русского творительного. Praha, 1964.
- Nessel 2004 — T. Nessel. Case assignment and image schemas: Russian temporal adverbials // *Studies in Language*. 28 (2). 2004. 285—320.
- Nessel 2011 — T. Nessel. Space-Time asymmetries in Russian prepositions: Preliminary analysis // *Poljarnyj Vestnik* (Полярный вестник). 14. 2011. 45—62.
- Peirsman, Geeraerts 2006 — Y. Peirsman, D. Geeraerts. Metonymy as a prototypical category // *Cognitive Linguistics*. 17(3). 2006. 269—316.
- Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. The case for surface case. Ann Arbor, 1980.

EKATERINA V. RAKHILINA

(Higher School of Economics /

Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences)

VLADIMIR A. PLUNGIAN

(Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences)

**TEMPORAL MEANINGS OF RUSSIAN PREPOSITIONS:
THE LIMITS OF METAPHORIZATION**

The paper deals with Russian prepositional constructions with *POD* 'under': spatial (traditionally considered to be basic) and temporal (traditionally considered to be derived according to the familiar formula *TIME IS SPACE*). It is argued that a straightforward space-time metaphor can nevertheless not account for temporal contexts.

Keywords: prepositions, metaphor, space / time relations